

Ирина Мельникова

ФАМИЛЬНЫЙ ОБЕРЕГ
КАМЕНЬ
ЛЮБВИ

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Ирина Александровна Мельникова
Фамильный оберег.
Камень любви
Серия «Любовь, интрига,
тайна. Новое оформление»
Серия «Фамильный оберег», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73921102
Фамильный оберег. Камень любви. [роман]: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-247064-6*

Аннотация

Татьяна Бекешева жалела, что приехала в Сибирь на раскопки старинной крепости: она никак не могла разобраться в своих чувствах к руководителю экспедиции Анатолию, пригласившему ее сюда. А ведь она оказалась в том самом месте, где триста лет назад встретились ее далекие предки – посланник Петра I Мирон Бекешев и сибирская княжна Айдына! В ходе раскопок они случайно наткнулись на богатое захоронение. Похоже, это сама Айдына! Потом начало твориться что-то ужасное: на охранявших найденные сокровища напали, а Татьяна стала свидетельницей ссоры археолога Федора с неизвестным, который вдруг выхватил нож и зарезал его! Неужели именно Федор навел на лагерь

«черных копателей»? Татьяна вспомнила: взять его в экспедицию просил ее бывший жених!

Содержание

Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ирина Мельникова

Фамильный оберег.

Камень любви

© Мельникова И., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ФАМИЛЬНЫЙ ОБЕРЕГ

КАМЕНЬ
ЛЮБВИ

Москва

Светлые зори встают над степью. Прозрачные, как покрывало невесты. Нежные, словно весенние цветы. Мягкие травы купаются в росах. Тонкая дымка затягивает горы. Розовым облаком чабреца подернуты серые камни.

Медленными шажками отступает ночь, уводя за собой тишину, пропитанную пряными степными запахами. Свист и трели проснувшихся птиц наполняют мир звенящей жизнью. Вот-вот покажется солнце. Ожидание повисает в воздухе: еще мгновение... Еще...

И – вот оно! Огромное, тяжелое, багровое светило медленно, как ступали древние боги, поднимается из-за горизонта. Да и куда ему спешить, если впереди бесконечность?!

Солнце мгновенно осыпает золотом широкую и плоскую, как сказочное блюдо, степь. Оно, словно наливное яблоко, висит над бескрайними просторами, одаривая их теплом и светом, и все вокруг притихло на миг, замерло перед этим царственным величием и волшебством, замороженное чудом жизни, дивным возрождением после черноты и прохлады ночи.

Тонко ржет жеребенок, встречая первое утро своей жизни, тихо отвечает ему мать-кобылица. Гулкое эхо дремлет в распадках, но птицы уже распелись на все лады, а беспокойный жаворонок взмыл в небо – над ковылями, над лесами, над синей подковой гор, над стремнинами рек и блюдцами озер...

Во все стороны света разлеглась внизу степь, где ровная, как полотно, где бугристая, точно кожа доисторического ящера. Скальные останцы на вершинах сопок, будто костяные гребни на его спине, а одинокие камни вокруг курганов – зубы, потерянные в жестокой схватке...

Бескрайняя, как небо, и вечная, как небо, степь. В ожерелье темных лесов, в серебристых браслетах рек. Весною, как юность, – яркая, зеленая, дразнящая и страстная, залитая сладкими для трав потоками дождя, взлохмаченная теплыми порывами ветра, согретая игривым молодым солнцем.

Осенняя степь не любит буйных красок весны. Осенью она вся в неуловимо печальных оттенках увядающей природы – манит мягким касанием ветра, летящими по воздуху тонкими паутинками, нежным шорохом опадающей листвы, горьковатым запахом полыни. И с тихой грустью прислушивается к тоскливой переключке журавлей в прохладной синеве неба. Впереди зима – долгая, с лютыми морозами, голодным волчьим воем и студеной поземкой, заматающей следы редких путников.

Но летом степь другая – с желтыми и зелеными полосками полей на склонах сопок, утренним ветром, молчанием лунной ночи, с закатами, прозрачными в июне и густыми, сочными – в июле и августе. Летом она полна благодати и зноя, от которого нет спасения даже в тени. Пестрое разнотравье лугов, парящий орел в бледной синеве неба, отары овец по сопкам, одинокая фигура всадника на холме. Из-под руки он

всматривается в даль. Что он там видит, в зыбких потоках воздуха? Кого?

Молчит степь. Лишь иногда позволяет заступить на шаг в свое прошлое. Огромные камни – менгиры, поставленные в степи неизвестно когда и неизвестно кем, – верные стражи ее тайн, ее истории. Что это за камни? Защитники от врагов? Обереги от злых духов? Пограничные столбы, отделявшие земли одного племени от другого, или древние капища, на которых степняки проводили свои обряды?

Покрытые пылью веков, изрытые морщинами – следами шальных гроз и безумной пурги, страшных морозов и дикой жары, они безмолвно взирают на седые ковыли, на стаи птиц, на одинокого волка, стерегущего логово с молодыми волчатами. Известно одно: они и впрямь реагируют на дурные помыслы. Сила менгиров передается слабому и немощному, очищает разум от скверны и страха. Многие стремятся получить частицу их энергии. Но не всем это удастся. Кого-то они одаривают теплом, кого-то отпугивают леденящим холодом...

Шаманы знают: лишь чистой души человек может коснуться древних камней. Тогда он обретет мудрость Великой Степи и давно ушедших народов. Но не будет пощады тому, кто приблизится к камням с озлобленным сердцем. И его самого, и весь его род навеки проклянут те, кто вершит судьбы людей...

Плещется степь в утренних зорях, умывается росой, смот-

рится в зеркало озер. По вечерам ловит последние лучи солнца, собирает и копит их в травах, листьях деревьев, в пшеничных колосьях и метелках ковыля, отчего даже в пасмурный день от нее исходит мягкое и теплое свечение. Осенью примеряет разноцветные наряды, зимой кутается в снежную шубу... Великая и загадочная степь! Бескрайняя! Щедрая! Нежная – к друзьям! Беспощадная – к врагам! Многоликая, как жизнь, и трепетная, как любовь! Древняя хакасская степь!

Глава 1

– Просыпайся, Таня! Вставай!

Кто-то тряс ее за плечо, вырывая из плена сновидений.

Она с трудом открыла глаза, с недоумением взглянула в старушечье лицо. Таис? Что случилось?

Таис улыбнулась.

– Напугала ты нас. Сутки проспала. Проголодалась небось?

– Сутки? – Татьяна села на постели. – Чего ж не разбудили?

– Болезнь твоя уходила. Нельзя ее пугать. Могла вернуться, – заметила Таис. – Теперь совсем ушла.

Татьяна быстро откинула одеяло, согнула ноги в коленях, выпрямила. Слушаются! Значит, Хуртаях ей не приснилась? Но почему так горько на душе? Почему слезы готовы вот-вот вырваться наружу? Айдына? Несомненно, это ее слезы! Слезы о потерянной любви. Сердце ее сжалось. Неужели кыргызская княжна так и не встретилась с Мироном? Но отчего ж тогда в жилах Бекешевых течет кыргызская кровь? Кто ответит на этот вопрос?¹

Она невольно коснулась пальцем серьги. Таис заметила, усмехнулась. Спросила:

---

¹ Об этих событиях читайте в романах И. Мельниковой «Фамильный оберег. Закат цвета фламинго» и «Фамильный оберег. Отражение звезды».

– Ты ничего не хочешь рассказать о вчерашнем? Зачем пошла к озеру?

– Я видела женщину возле костра. Очень странную. Очень похожую на тетю Асю – мою покойную тетушку. Но это была не она. Молодая, красивая. С золотыми украшениями.

Татьяна посмотрела на Таис.

– Широкий обруч на шее, много браслетов. И прическа... Такие теперь не носят... Она позвала меня, и я пошла за ней. Нохай ее совсем не боялся. Ластился... И я не боялась. А потом в небо взметнулся столб света, и девушка пропала. А я поняла, что иду без костылей. Что это было, бабушка?

Старуха задумчиво покачала головой.

– Хозяйка твоих сережек приходила. Местная она, силу большую имела. Много-много лет прошло, а она этой силы не потеряла. И сюда она тебя привела, знала: здесь силу и любовь обретешь. – И повторила: – Да, любовь, и продолжение рода. Я ж говорю, твоя беда – твоё испытание.

– Тетя Ася, сестра отца, перед смертью отдала мне эти серьги и сказала, что они принадлежали Айдыне – кыргызской княжне.

– О, Айдына! – Таис вновь покачала головой. – Ее душа в этих серьгах. Никому не отдавай их. Отдашь – счастье и любовь потеряешь! Поезжай в острог, Таня! Твое счастье ждет тебя! Только впереди новые испытания. Будь готова к ним! Теперь ты сильная, справишься! Главное – не отчаивайся и не снимай серьги!

Таис говорила с теми же интонациями, что и Ончас. Даже слово «острох» произнесла так же, как тетка Айдыны.

– Я поняла! – сказала Татьяна. – Я не расстанусь с серьягами.

Она засмеялась и спустила ноги с кровати. Господи, неужели кончились ее мучения?

– Иди умойся! Толик за тобой машину прислал, велел ехать быстрее, – Таис удрученно вздохнула. – Сказал, что в лагере позавтракаешь! Но хоть молока попей. А то, гляжу, совсем худая. Ветер подует – унесет!

Татьяна снова засмеялась и вышла из юрты. Подставив лицо солнечным лучам, потянулась. Хорошо-то как! И легкость в теле необыкновенная.

Неподалеку совсем еще молодой парнишка, открыв капот «уазика», разглядывал что-то в моторе. Брезентовый верх у машины был откинут, и Татьяна тотчас представила, как это здорово – мчаться в открытой машине. Почти так же, как скакать верхом, подставляя лицо степному ветру.

Завидев Татьяну, водитель поднял голову, вытер руки тряпкой и спросил:

– Это вас в лагерь нужно отвезти?

– Меня, – отозвалась Татьяна и, заметив удивленный взгляд, брошенный на ее ноги, усмехнулась. – Я теперь резво бегаю. Могу и на своих двоих добраться. Тут же недалеко?

– Да я ж ничего... – засмутился парнишка. – Зачем на своих двоих? Домчу как положено!

– Тогда подождите еще минут пять! Умоюсь, и поедем.

Татьяна направилась к алюминиевому чайнику вместо умывальника. И это тоже обрадовало ее. Вода оказалась прохладной и приятно освежила лицо.

Вышла из юрты Таис, протянула кружку молока и теплую булочку.

– Поешь-ка, а то пока их завтрака дождешься...

Через какое-то время Татьяна уже сидела в машине. На всякий случай прихватила с собой папку с бумагой для рисования. Радостное возбуждение не проходило. Она представляла, как удивится Анатолий, когда увидит ее без костылей. Впрочем, она надеялась увидеть в его глазах не только удивление...

А машина мчалась сквозь степь, покрытую мягким ковром молодых трав, с разбросанными тут и там куртинами синих и желтых ирисов. Громоздились впереди серые сопки, поросшие редкими березняками и лиственницами – еще прозрачными, в кружевном уборе новой листвы.

Славно-то как! Татьяна зажмурилась, подставляя лицо теплему ветру, который пах солнцем и травами. Эти ароматы кружили голову, и она уже не сомневалась, правильно ли поступила, приехав сюда. Ведь вокруг абсолютно чужие люди. Но теперь неважно, как они к ней отнесутся. Раньше она боялась жалостливых взглядов, стеснялась своей болезни и той неловкости, которую испытывали всякий раз окружающие, заметив ее костыли. Но теперь костыли в прошлом, и

поэтому прочь сомнения, прочь тревоги! Она начинает новую жизнь, в которой не будет места боли и отчаянию!

Лагерь показался неожиданно. Разноцветные шатровые палатки на высоком берегу Абасуга, сосновый бор... Сердце ее замерло. Затем она увидела Анатолия в шортах, выцветшей майке и старых кедах. Весело улыбаясь, он снял с головы армейскую панаму, помахал ею и поспешил навстречу машине.

Водитель заглушил мотор. Татьяна открыла дверцу и прыгнула на землю. Прихватив папку с бумагой, направилась к Анатолию. В душе у нее все ликовало. А он стоял – смущенный и растерянный, и, видно, оттого, что ничего путевого не пришло в голову, спросил, слегка заикаясь:

– А-а, г-где твои костыли?

– Костыли я выбросила, – ответила она лихо и крутанулась на пятке. – Мне идет без них?

– Таня! – Анатолий наконец опомнился, взял ее за руки. – Не верю своим глазам! Что произошло? Таис ничего мне не сказала. Только сообщила, что ты спишь без просыпу вторые сутки. Я стал беспокоиться. Велел разбудить тебя!

– Таис, наверно, побоялась сглазить, – улыбнулась Татьяна. – Честно сказать, я сама подумала, что все мне приснилось. Нет, не приснилось! Видишь, хожу, и даже пытаюсь бегать.

– Насчет бега ты осторожнее, – нахмурился Анатолий. – Но, согласишься, все как-то странно...

– Ты разве не рад? – спросила тихо Татьяна. – Что-то изменилось?

– Глупости! – Анатолий обнял ее за плечи, посмотрел в глаза. – Теперь все намного проще.

Он взял ее под руку.

– Бабка возила тебя к Хуртаях?

– Возила, – кивнула Татьяна. – Но я еще до поездки пошла.

– Ни с того ни с сего пошла? – Анатолий подвел ее к скамье возле стола. – Присаживайся! Сейчас подадут завтрак.

Татьяна оглянулась по сторонам.

– А где остальные?

– Давно на раскопе, с восьми утра. Я там уже побывал, вернулся позавтракать с тобой.

– Я отвлекаю тебя от дел?

– Мои дела вовек не переделаешь. Дойдут и до них руки, – усмехнулся Анатолий. – Позавтракаем и направимся на раскоп. Тебе ведь интересно посмотреть, чем мы там занимаемся?

– Интересно, – она помолчала мгновение. – Дедушка тоже был археологом и все время говорил: «Вот подрастешь, возьму тебя в экспедицию». Но его не стало, когда мне было семь лет. Так и не получилось побывать на раскопках.

– Я знаю, – Анатолий задумчиво посмотрел на нее. – Академик Евгений Юрьевич Бекешев. Профессор Ларионов, мой учитель, ездил с ним в экспедиции, будучи аспи-

рантом.

И снова в упор посмотрел на нее.

– Расскажи, как случилось, что ты рассталась с костылями?

Татьяна пожала плечами.

– Сама не знаю, как случилось... Сидела возле юрты, засмотрелась на озеро, встала и пошла. И только потом опомнилась, что иду без костылей. Испугалась, упала... Прибежали Таис и ее внук Каскар, студент на практике в племовцесовхозе... Словом, в юрту я вернулась без их помощи!

Она старалась говорить спокойно, буднично, словно все происшедшее с нею было вполне объяснимым, обыденным делом. О привидевшейся ей женщине Татьяна благоразумно промолчала. Еще непонятно, как отреагирует на это Анатолий, не примет ли за большие фантазии?

– Чудеса, да и только! – произнес Анатолий и отвел взгляд. Похоже, он ей не очень поверил.

Девушки-поварихи тем временем накрыли стол, принесли чайник с кипятком, поставили блюдо с горячими пирожками, миски с молочной кашей.

Татьяна сглотнула слюну. Надо же, думала, что вполне обойдется молоком и булочкой. Но аппетит на свежем воздухе разыгрался чуть ли не зверский. Боже, что будет с ее фигурой к концу сезона?

Анатолий с довольным видом потер ладони.

– Налетай! Отведаем, что наши искусницы приготовили!

Они пили чай, поглощали с завидной скоростью пирожки и больше молчали, обходясь короткими фразами, – оба чувствовали странную неловкость, скованность, словно в предчувствии чего-то важного, что вот-вот должно произойти.

Наконец Анатолий отставил пустую чашку, посмотрел на Татьяну. Взгляд у него снова стал задумчивым.

– Ты хорошо сделала, что согласилась съездить к Хуртаях. Многие не верят в то, что древние изваяния несут в себе силу.

– Силу? – изумилась Татьяна. – Выходит, Таис не просто так возила меня к Хуртаях? Это ты попросил ее?

– Нет, не просил. Но Таис знает обо всем и обо всех больше, чем мы думаем, только не сознается, – усмехнулся Анатолий. – Вон как глаза заблестели, когда твои серьги увидела. Так что не бойся, к Хуртаях вы не зря ездили.

Он поднялся на ноги. Посмотрел сверху вниз на Татьяну.

– Поверь, тут все пропитано магией древности – воздух, земля, деревья, камни. И время порой замедляет свой бег. Приглядишься, послушай, как звучит степь. Зовет, манит... – И улыбнулся по-детски, смущенно. – Ты это скоро поймешь. И будешь возвращаться сюда снова и снова, если не захочешь остаться здесь навсегда...

– А ты романтик! – улыбнулась Татьяна.

– Это возбраняется? – удивился Анатолий. – Кроме работы человеку нужны хоть маленькие, но радости. Молодежь здесь заводит романы, орет песни возле костра. А тем, кто

постарше, вполне хватает красок Хакасии. Разве плохо, если после раскопа, а он порой изматывает до изнеможения, человек хочет насладиться покоем и красотой, которых не найдешь в городах?

– Прости, совсем не хотела тебя обидеть, – повинулась Татьяна. – Мне тоже здесь нравится. Я так тебе благодарна, что вытащил меня в экспедицию! Но я не буду обузой. Хочу работать на раскопе. Ведь вы не только фотографируете находки, но и зарисовываете их?

– Обязательно! Работы прибавится всем, и для тебя найдется занятие, если не передумаешь. Но давай дня три подождем. Пока оглядишься, разберешься, что к чему. Придется работать на солнце, в жару. Весь световой день. Правда, после обеда, в самое пекло, даем людям передохнуть. Сиеста, так сказать. Но многие и в перерыве работают. Выдержишь?

– Постараюсь, – Татьяна улыбнулась.

Анатолий посмотрел на часы.

– Четверть часа у нас еще в запасе. Захватим сотрудника и поедем на раскоп. Тут с километр всего. – И спросил: – Может, еще чаю? Вон еще сколько пирожков осталось.

И она не смогла отказаться.

Глава 2

Пятнадцать минут прошли, чай был выпит, пирожки доедены, а сотрудник так и не появился.

Анатолий бросил взгляд на часы, перевернул пустую чашку вверх доньшком и посмотрел на Татьяну.

– Помнишь, в больнице ты говорила о книге какого-то немца, которая хранилась в вашей семье. С портретом Мирона Бекешева...

– Помню, – кивнула Татьяна. – Но никогда ее не видела, только слышала пару раз, что была такая. Тетя Ася мимоходом вспоминала. Но она родилась в тридцать втором году, так что в войну ей было совсем мало лет. Книгу помнила слабо и точно не знала, то ли в войну пропала, то ли позже потерялась. Исчезла, и все. Причем единственная из старинных книг. Ее мама в блокаду сберегла библиотеку, ни одна книга не пошла на растопку.

– А позже она не пыталась узнавать у твоей бабушки, куда эта книга подевалась?

– Мама у нее умерла в пятидесятом, после того как дедушку в сорок девятом арестовали. В одно время со Львом Гумилевым.

– Да, я знаю об этом, – кивнул Анатолий. – Оба были осуждены на десять лет и отбывали срок сначала под Карагандой, а затем недалеко отсюда, в Междуреченске.

– Дедушку в пятьдесят шестом освободили и реабилитировали, но он перестал заниматься древними тюрками, увлекся археологией. В пятьдесят седьмом он снова женился, а в пятьдесят восьмом родился папа. Так что *моя* бабушка – мачеха тети Аси, и, скорее всего, о книге ничего не знала.

– В те годы история тюрков, в том числе енисейских кыргызов, практически была под запретом. Ведь она противоречила идее мирного освоения восточных земель. Хотя лет триста-четыреста назад главным занятием русского человека в Сибири были не землепашество и даже не промысел зверя, а война.

Анатолий помолчал мгновение, словно собирался с мыслями, и заговорил снова:

– Меня эта книга сильно заинтересовала. Если она о Сибири, да еще с парсуной² Мирона Бекешева, то, чем черт не шутит, вдруг в ней упоминается Абасугский острог? Принялся искать. Практически пошел туда – не знаю куда, искал то – не знаю что. Ни имени автора, ни года издания. И все же кое-что откопал. В одном из научных журналов обнаружил статью твоего деда. Датирована сорок седьмым годом. А в списке источников – книга некоего Германа Бауэра, изданная не в конце восемнадцатого века, а в 1728 году в Санкт-

---

² Парсуна(–ы) (искаженное *persona* – *личность, особа*) – портреты реальных исторических лиц, создававшиеся в традициях иконописи. По сути, первые светские портреты.

Петербурге. Называется «Моя жизнь в Сибири». Понимаешь, «моя жизнь»! Однозначно – не описание с чужих слов, чем грешили рассказы других путешественников. Многие из них даже не бывали в Сибири. Для иностранцев все земли, что за Уралом, были за семью печатями. Русские власти боялись шпионов, которые могли бы разузнать короткий путь в Китай. Сведения об открытиях во время экспедиций в Сибирь считались секретными, и путешественники подписывали обязательства об их неразглашении. Поэтому за Урал мог попасть только тот иностранец, который устраивался на русскую службу пожизненно.

– Герман Бауэр? Ты сказал: Герман Бауэр? – Татьяна жала кулаки, чтобы унять дрожь в ладонях.

– Тебе знакомо это имя? – быстро спросил Анатолий.

– Нет-нет, – смутилась Татьяна. – Выходит, он был русским подданным?

– Скорее всего! При Петре Первом немало немцев находилось на русской службе.

– Но как дедушка мог упомянуть эту книгу, если она исчезла?

– Выходит, в то время еще не исчезла, – с торжеством в голосе произнес Анатолий. – Возможно, ее спрятали уже после войны. Перед арестом твоего деда или чуть позже. Я подозреваю, что о тайнике знала только мать Анастасии Евгеньевны. Но она умерла, а тайник так и остался тайником.

– Но с какой стати ее надо было прятать? – удивилась Та-

тьяна.

– Пока не знаю. Книга, скорее всего, вышла, как сейчас говорят, малым тиражом, и один экземпляр наверняка был подарен Миرونу Бекешеву. Это косвенно подтверждает, что они были знакомы с Бауэром. Но издание было почти сразу уничтожено. Кажется, что-то в ней не понравилось церкви.

– И что ж ей могло не понравиться?

– Многое, наверно! Русские, жившие в Московии, считали свою землю средоточием святости и ритуальной чистоты. Это главное в идее псковского старца Филофея о Третьем Риме. Другие земли рассматривались как страны нехристианские, нечистые, в которых православному человеку побывать – большой грех. Еще в начале XVIII века священник узнавал на исповедях, не ездил ли кто в землю нехристей, не попадал ли в татарский плен и так далее. Естественно, подобные грехи православному человеку прощались, но пребывание в нечистых землях считалось все-таки нежелательным.

– Надо же, – удивилась Татьяна, – я как-то никогда не задумывалась... Точнее, даже не знала.

– Конечно, этого нет в школьных учебниках, – усмехнулся Анатолий. – На самом деле завоевание Сибири считалось делом греховным, ведь русскому человеку волей-неволей приходилось жить долгое время в нечистой земле, а кому-то оставаться там навсегда. По сути, в Сибирь поначалу попадало всякое отребье, которому плевать, в какой земле жить.

К тому же сибирские воеводы и попы стремились быстрее привести местные народы под власть русского царя, окрестить их и, соответственно, очистить Сибирь от греховности, сделать ее мало-мальски пригодной для проживания истинно православного люда. Признаться, русских в отношениях с местными народами интересовали только три вещи – дадут ли клятву верности царю, принесут ли ясак и примут ли крещение. И очень обижались, когда инородцы упорствовали.

– Ясное дело, упорствовали, – вздохнула Татьяна. – Я хоть и не сильна в истории, но и то понимаю, что кыргызы не спешили принять чужую веру.

– В том-то и дело, что не только не спешили, но и сопротивлялись. Бывало, даже убивали священников. Жгли храмы, монастыри. Подозреваю, что Бауэр, как лютеранин, не слишком лицепрятно отзывался о сибирских священниках, которые и жизнь вели отнюдь не праведную, и слишком ретиво обращали инородцев в православие. Отчего и бунты случались, и восстания. А это опять же противоречило национальной идее мирного заселения Сибири. К сожалению, даже в западных библиотеках нет книги Бауэра.

– Жалко, что книга пропала, – вздохнула Татьяна. – У нас в семье разговоров о ней никогда не заводили, по крайней мере, на моей памяти. Пропала и пропала. Я даже представить не могу, куда ее умудрились спрятать. Думаю, дедушка отыскал бы книгу, если бы знал о тайнике. А интересно было бы заглянуть в нее! Думаю, многие вопросы отпали бы сами

собой.

– Естественно, отпали бы! Возможно, удалось бы скорее найти Абасугский острог. А может, и нет! – сказал Анатолий с задумчивым видом. – Вдруг я ошибаюсь и в книге Бауэра о нем нет ни слова? Авторы большинства книг о Сибири пользовались довольно расплывчатым, но обильным источником – устными рассказами самих сибиряков. Известно, что местный народ недоброжелательно относился к чужакам, тем более к иностранцам, подозревал их в хитрости и коварстве. Похоже, что и сами рассказы сибиряков – не более чем насмешка и даже издевка над заезжими чудаками. Поэтому многое из того, что происходило не только в Сибири, но и в России, для иностранцев оставалось за семью печатями. Вот и распускали они по свету всякие нелепицы, не опасаясь, что кто-то сумеет уличить их во лжи. Тем важнее книга Бауэра, если он видел эту жизнь изнутри!

– Да-да, я где-то читала об этом... Люди с песьими головами, люди-лягушки, которые умирают осенью и возрождаются весной, а еще о вечной зиме и лютном холоде, от которого человек мгновенно превращается в сосульку.

– Ну, это еще не все, – улыбнулся Анатолий. – До сих пор сохранились легенды о подземных городах, где люди ходят вверх ногами, о гигантских птицах с тремя головами, о том, что в Сибири есть реки, где камни на дне из чистого золота. Какие только сказки не сочиняли даже в шестнадцатом веке, когда началась колонизация территорий за Уралом! Те-

перь тебе ясно, насколько осторожно и разборчиво нужно относиться к иностранным опусам о Сибири? Большинство из них написаны по слухам, наугад, а публика, которая их читала, знала о сибирских землях и того меньше, поэтому не могла ни возразить, ни опровергнуть эти домыслы. Порой в такую чушь верили! И что немаловажно, эта чушь распознала и по другим творениям таких же горе-писак. Да что там Сибирь! Еще в семнадцатом веке подобные небылицы о России ходили по всей Европе, и это при том, что Московское государство занимало огромную территорию – четыреста пятьдесят немецких миль³ в длину и двести сорок миль в ширину. Россия и в те времена даже без Сибири была самым крупным европейским государством.

– Я поняла, насколько эта книга важна для тебя, – тихо сказала Татьяна, – но пока ничем не могу помочь. Ты пытался как-то ее искать? Узнавал о судьбе Бауэра? Может, архивы сохранились?

– Пытался, но без особого успеха. Правда, удалось узнать, что после уничтожения книги он бежал в Швецию. И там его следы затерялись. Так что те его сочинения, что хранились в вашей семье, скорее всего, единственные, которые уцелели. Вернее, надеюсь, что уцелели и со временем обязательно найдутся.

– Дай бог! – Татьяна пожала плечами. – Я поговорю с папой. Вдруг он знает больше. Но вряд ли...

---

³ Немецкая, или географическая, миля = 7,42 км.

– В истории были прецеденты. Находились и более древние документы! К примеру, записки Николая Спафария – русского посла в Китае в конце семнадцатого века – были в двух книгах: один том посвящен Китаю, в другом – описание пути посольства Спафария через Сибирь. Надо сказать, весьма подробное и толковое для того времени. Так вот, китайский том в архивах присутствовал, а сибирский исчез. Его долго считали пропавшим. Видимо, неудобная информация о Сибири кому-то помешала, и ее просто уничтожили. Но неожиданно, через двести с лишним лет, в 1880 году сибирский том Спафария отыскался. Как ты думаешь где? Да там же, где и первый хранился, – в Китайских делах архива Министерства иностранных дел. Так что в наших архивах копать – не перекопать!

Он глянул поверх головы Татьяны и весело возвестил:

– Вот наконец-то и наш дендролог пожаловал! Сейчас поедем!

Татьяна оглянулась. К ним направлялся невысокий молодой человек в очках, с короткой рыжей бородкой, в шортах, застиранной ковбойке, расстегнутой на груди, и в бейсболке козырьком назад.

– О, это и есть ваша прекрасная гостья, Анатолий Георгиевич? – справился дендролог и протянул ей руку. – Будем знакомы! Игорь Полежаев!

– Таня, – она пожала его ладонь с твердыми бугорками мозолей и спросила: – Вы изучаете растения?

– Я – специалист по дендрохронологии, – улыбнулся Игорь. – Определяю возраст деревянных сооружений. Ведь острог рубили из бревен, которые заготавливали поблизости. Но сначала нужно найти живые деревья, которым лет этак триста-четыреста, чтобы было с чем сравнивать. Нелегкая задача, но я уже нашел в распадках две лиственницы и несколько сосен. Иногда, конечно, бревна не сразу шли на постройку, а года через два-три, но для археологов это не сроки. Главное, бревна отыскать или хотя бы большие фрагменты, тогда по годовым кольцам определим точное время возведения острога.

– До сих пор сомневаетесь? – удивилась Татьяна. – Не верится, что нашли Абасугский острог?

– Документам доверяй, но раз сто проверяй, – усмехнулся Анатолий. – Освоение Сибири шло по наезженной колее. Импровизация не допускалась. Остроги, которые строились без дозволения свыше, разрушались. Сибирский приказ жестко контролировал и проектирование новой крепости, и ее возведение – вплоть до каждого бревна и гвоздя. Каралось любое отступление от проекта. Послушания добивались батогами и казнями, и представить, что исполнители могли самовольно изменить план, трудно – точнее, невозможно.

– А могло так случиться, что какой-то дьяк в Москве за две тысячи верст от стройки сказал: острогу быть на той или иной реке, а по прибытии выяснилось, что строить там не с руки по какой-то причине. Вот и поставили острог в другом

месте, – поинтересовалась Татьяна.

– Случалось, конечно, но крайне редко. Одно успокаивает: Мирону Бекешеву позволялось больше, чем простым смертным. Он приехал в Сибирь по личному распоряжению Петра и волен был сам выбирать подходящее место для крепости. В определенных пределах, естественно. Но, с другой стороны, второй острог – Сторожевой – он построил точно там, где его обозначил Петр Первый.

Анатолий посмотрел на часы и поторопил:

– Все-все! Вопросы потом! Поехали! А то скоро жара навалится!

И они направились к уже знакомому Татьяне «уазику».

Глава 3

На опушке леса кипела работа. Огромную поляну разбили на квадраты, натянув по периметру белые шнуры, закрепленные кольшками. Часть дерна успели снять, края будущего раскопа обрамляли отвалы земли. Чуть дальше виднелись горы выкорчеванных пней и груды хвороста. На раскопе работало человек тридцать. Кто-то продолжал снимать дерн и на тачках отвозить его в сторону, кто-то аккуратно – лопатами, совками, мастерками – расчищал слои почвы, лежащие под ним. Некоторые уже углубились по колено в вырытые ямы.

– Ну, смотри, это и есть наше поле боя! – сказал Анатолий. – Квадраты сориентированы по сторонам света, пронумерованы, чтобы точно определить место каждой находки. Видишь полосы нетронутого грунта? Это бровки. Они отделяют квадраты друг от друга. Ходить по ним следует осторожно, могут обрушиться, и под ноги нужно смотреть, чтобы не наступить на находки. Их складывают на бровку во время работы.

– Эту огромную площадку вы должны раскопать за лето? – поразилась Татьяна. – Титанический труд!

– Копать – дело нехитрое. Процесс раскопок долгий, но незамысловатый. Сначала работают землекопы. Самый тяжелый этап – вынуть часть земли и зачистить территорию.

Археологи фотографируют раскоп, определяют изменения рельефа, стараются понять, откуда начинается культурный слой и где заканчивается. У него, как правило, почва другого цвета, и, кроме того, именно в культурном слое находят большую часть артефактов. Тахеометристы фиксируют зачищенную территорию, все ямы, слои, расположение крупных находок, а следом чертежник переведет в обычный чертеж данные с лазерной рулетки – тахеометра. Его пока по старинке выполняют на миллиметровке от руки. Начальники участков обрабатывают по мере поступления находки, записывают, где они были обнаружены, и только затем их относят в камеральную лабораторию⁴ для регистрации. Там находки моют, чистят, сортируют, документируют для дальнейшего изучения.

– А чем же занимается начальник экспедиции? – улыбнулась Татьяна. – Контролем и общим руководством?

– Твой покорный слуга – начальник экспедиции, – с теми же интонацией и улыбкой ответил Анатолий, – будет руководить работами и описывать весь археологический процесс в отчете о раскопках. Думаю, за сезон раскопаем не больше тридцати квадратов. Пока людей маловато. Но к июлю подтянутся еще студенты, волонтеры. Порядка шестидесяти человек. Некоторые из добровольцев уже пятый сезон со мной работают. Правда, люди будут меняться. У кого-то учебная

---

⁴ Помещение для камеральной обработки материалов, собранных во время экспедиций и полевых изысканий.

практика закончится, у кого-то отпуск.

– А как ты определил, что нужно копать именно в этом месте? – Татьяна в недоумении оглянулась.

Честно сказать, наяву все выглядело по-другому. Может, потому, что подступы к утесу затянуло березняком, которого раньше не было и в помине. Да и река вроде как отступила. Но скажи она Анатолию о своих сомнениях, что он подумает?

Она еще раз обвела взглядом раскоп, трудившихся в дальнем его углу людей, сопку, вершина которой виднелась из-за леса. Нет, вроде все правильно. Именно с этой сопки спустились воины Тайнаха...

– Шурфы закладываем, визуальную разведку проводим, – спокойно пояснил Анатолий, не заметив ее волнения. – Сегодня появилась куча умнейших приборов – георадары, лазерные дальномеры, электронные теодолиты и нивелиры. У нас работают два оператора из лаборатории неразрушающего контроля. Вот они-то с помощью георадара и уточнили место и границы будущего раскопа. Георадар – это вообще песня. Может распознать предмет размером в три квадратных сантиметра на глубине до одного метра да еще представить все это в трехмерном изображении.

– И что же показал георадар?

– Много что. Уцелели основания шести башен: четырех угловых, еще одной – проездной к полю, и той, через которую выходили к реке. Кроме того, остатки крепостных стен,

нескольких внутрикрепостных и двух заглубленных в землю строений. Теперь могу сказать точно: острог погиб от пожара. Кое-где уже дошли до культурного слоя, так там просто слой углей – следы от сгоревших башен, деревянных стен и перекрытий изб.

– Здорово! Теперь ты не сомневаешься, что это Абасугский острог?

Анатолий улыбнулся.

– Не сомневаюсь, но радоваться пока остерегаюсь – чтобы не сглазить. Тьфу три раза, чтобы погода не подвела, чтобы денег хватило прокормить эту ораву, чтобы горючку снова не клянчить, чтобы техника работала как часы... Этих «чтобы» десятка два наберется, а сколько еще непредвиденных ситуаций...

Он взял Татьяну под руку и повел вдоль раскопа.

– Самое трудное – снимать дерн. Часть острога находилась под лесом. Пришлось березняк вырубать, пни корчевать. Но зато в лесу не так сильно нарастает грунт, как в поле, и вымывается он весенней водой меньше. Так что находки лежат ближе к поверхности, чем в открытой степи. В лесу дольше сохраняются на поверхности следы человеческой деятельности. В археологии это называется антропогенным ландшафтом. Если присмотреться наметанным глазом, можно разглядеть ямы от жилищ и прочих строений, могилы, остатки крепостных стен, рвов, защитных укреплений. Перед восточным валом, – Анатолий махнул рукой в сторону

сопки, – обнаружили остатки роготок против конницы – редкий частокол из остро затесанных бревен. Их вбивали в землю под углом.

– И все это вы раскапываете вручную?

– А как ты думала? К тому же – малыми силами. До культурного слоя недалеко, поэтому экскаватор или бульдозер использовать опасно. Все только ручками. Лопата – лучший друг археолога. За сезон так к ней привыкнешь, что с закрытыми глазами определишь, где своя лопата, где – чужая. Правда, профессиональных археологов – раз-два и обчелся. Привлекаем на время сезона музейных работников. Некоторые постоянно со мной работают начальниками участков, чертежниками. Записывают находки, считают их. Наша добрейшая Ольга Львовна много лет заведует камералкой.

Они остановились возле одной из ям. Паренек в майке-тельняшке и в косынке, завязанной по-пиратски за ухом, строительным мастерком аккуратно снимал тонкие слои почвы. Людмила, племянница Анатолия, в соломенной шляпе с широкими полями, в старых джинсах и рубашке, сидела рядом на корточках и перебирала руками почву в пластмассовом тазике, аккуратно растирала комочки. Затем взяла в руки тетрадь и принялась что-то писать в ней карандашом.

– Полевой дневник заполняет, – шепнул Анатолий, кивнув на тетрадь, – слой описывает. А это – Сева. Землекоп и мой студент по совместительству.

При их приближении молодые люди подняли головы,

улыбнулись. Людмила кивнула Татьяне, как старой знакомой, прищурилась, посмотрела пристально и серьезно, но удивления не выдала, лишь снова улыбнулась. Дружелюбно, словно и не дерзила недавно.

– Я рада за вас! – сказала и перевела взгляд на Анатолия.

А тот спросил:

– Что нового?

– Дошли до культурного слоя, – пояснила девушка. – Пока только зола и угли, – и кивнула на кусок клеенки, что лежал на бровке. – Вон сколько накопили!

На клеенке и впрямь грудой лежали комочки земли, гораздо более темные, чем почва. Ничего особенного Татьяна в них не разглядела. Попадись под ноги – сочла бы за куски высохшей грязи.

Она невольно посмотрела на небо. Солнце еще не перевалило зенит, но уже пекло немилосердно. И так каждый день? Под палящим солнцем, в пыли, в грязи, не разгибая спины? Как рабы на галерах или плантациях сахарного тростника. Одно отличие: на ногах нет цепей и вокруг не стоят злобные надсмотрщики с хлыстами.

– Ну, работайте! – сказал Анатолий и посмотрел на Татьяну. – Давай в тень отойдем. Сейчас объявят перекур, переговорю с начальниками участков, каков улов на сегодня.

Они сели на траву под березами. Анатолий бросил взгляд на часы.

– Подождем минут десять. А я пока лекцию продолжу, –

и достал из кармана фляжку. – Пить хочешь?

– Хочу.

Татьяна сделала несколько глотков, вернула фляжку.

Анатолий вновь глянул на часы, улыбнулся.

– Раскоп – всегда интересно! Никогда не знаешь, что под землей таится. Одна находка может перевернуть все представления об эпохе, о людях того времени. И работа на нем, сама видишь, – не приведи господь! Просто так не посидишь, балду не попинаешь. Погода тоже сильно не балует, то жара – не продохнешь, то дождь проливной, то суховей задует. Руки от вечной грязи трескаются, покрываются цыпками. С первых дней девчонки забывают о маникюре, о косметике. Крем от загара тоже несовместим с пылью и потом. Словом, это не пляж и не санаторий. Кое-кто не выдерживает. Но многие ездят не первый год. Друзьями обзаводятся, влюбляются, женятся. И заработок у нас приличный, студенты уже за полгода начинают проситься в экспедицию.

– И так все лето? Без отдыха, без выходных?

– А что поделаешь? Лето у нас короткое. В августе зарядят дожди, и все – конец сезону, хотя вроде тепло еще...

– Ты заранее расстраиваешься по этому поводу?

– Есть немного!

Анатолий оглянулся, махнул рукой.

– После того как исследуем все культурные слои, сделаем чертежи, фотографии, то есть дойдем до материка – пустого слоя почвы, эту часть раскопа в конце сезона закидаем зем-

лей. Неисследованные квадраты укроем полиэтиленом, а затем тоже закопаем. Вскроем уже будущим летом.

– И оставите раскоп без присмотра? – удивилась Татьяна.

– Мы его законсервируем, но до того как ляжет снег, придется нанять сторожа. Есть здесь хороший парень. Не пьющий, ответственный. Беда тут в чем? Местное население свято верит, что копать можно только для того, чтобы найти золото. Рассказываем, объясняем, показываем фотографии. Берем на раскопки местных ребятишек, чтоб убедились: находка осколка посуды, ржавого гвоздя или полусгнившего сруба для нас более ценна, чем поиски золотых артефактов. Но нужно два-три года, чтобы люди уверились: не клады мы ищем, а нечто более важное для науки, для истории, наконец.

– А вдруг найдете золотые вещи?

– Упаси господь! – усмехнулся Анатолий. – С одной стороны, конечно, самолюбие греет: сенсация, твое имя на страницах газет... Музыка, аплодисменты, шампанское... Как в театре! Но в реальности все не столь романтично. Найдешь, и что с этим золотом делать? Главное, сразу нужно ставить охрану. Местное население мигом пронюхает, набежит поглазеть и попутно прибрать к рукам то, что плохо лежит. Да и в самой экспедиции могут найтись любители быстрой наживы. Тьфу три раза, Бог нас миловал! В моих экспедициях воровства не было, но ведь всякое случается. Так что с золотом проблем хватает. Придется сдавать его в банк, а до этого

банка еще добратся надо.

Он с досадой махнул рукой.

– Народ у нас падкий на сенсации. Газеты мигом растрезвонят, да еще приврут с три короба. Вот и повалят дикие орды днем и ночью на раскоп и в лагерь. Будут хватать за руки, выяснять отношения, рассказывать о кладах. Одолеют просьбами взять в долю, станут угрожать и взывать к совести. Хорошо, если этим ограничатся. Был недавно случай, в соседнем регионе... Начальника экспедиции подкараулили три отморозка. Подкараулили, когда он на лошади в одиночку возвращался из райцентра. Заарканили, стащили с коня. Увели с собой. Стали требовать золото. Пытали его, пальцы отрубили, уши отрезали. А что он им мог сказать? Что нашли только скелет и дюжину бронзовых безделушек? Словом, после всех издевательств, парня зарубили лопатой. Не оставлять же в живых свидетеля?

– Их не нашли? – быстро спросила Татьяна, тщетно пытаюсь избавиться от кома в горле. Может, потому, что представила Анатолия на месте несчастного парня?

– Нашли, куда им деваться? На следующий день. Дебилы заливали неудачу аракой. Повязали тепленькими. Даже от улик дуреломы не избавились. А парня жалко! Молодой был, перспективный, а погиб от руки тупой и жадной деревенщины. А все оттого, что один из студентов взял да ляпнул: ищем, мол, золото в кургане. Нашли целую статую из золота, лежит в сундуке у начальника – в сейф не вмещается.

Сказал просто так, для смеха, чтобы отцепились. Потом бедняга рыдал, каялся, о землю головой бился. Только слишком поздно осознал, что его болтовня человека сгубила! Словом, золото и драгоценности – мечта кладоискателя. В археологии ценится уникальность находки, пусть это даже куски керамики. Так что наша цель найти не золото, а уникальные артефакты. Да и какое там золото на раскопе острога? Разве что пару монет найдем или женское украшение.

Он тяжело вздохнул и едва заметно улыбнулся. А улыбка у него была замечательная. От таких улыбок самому хочется улыбаться. Правда, глаза у Анатолия были грустные, а может, усталые? Татьяна исподтишка наблюдала за ним и слушала, что он говорит:

– Здесь одно хорошо. До ближайшего села километров сорок. Правда, для пьяных кретинов это не расстояние. Вроде всех убедишь, что золота не нашли. Но всегда найдутся те, которые не поверят. Дескать, мы – люди простые, в академиях не учились. Обмануть нас проще пареной репы! Вот и проникают по ночам на раскоп. Поэтому у нас твердое правило – после первых же находок лагерь и раскоп без охраны не оставлять. Иначе даже инструменты растащат из вредности и камералку разграбят.

– У вас и оружие есть? – быстро спросила Татьяна.

– Какое оружие? Кайла и лопата. У Пал Палыча, нашего завхоза, старенький дробовик. В крайнем случае зарядим его солью. Есть еще травматический пистолет. У меня. Осталь-

ное не положено. Это черных копателей автоматчики охраняют. Рассказывали мне, как они настоящих археологов отпугивают. Сначала предупредительный выстрел в воздух, а потом и в ногу пуля может прилететь. У нас тоже был случай лет восемь назад. Ушлые аборигены украли все разметочные колья на квадратах. Они обычно из алюминия. И сдали как цветной металл. Пытались их догнать, так они бабахнули из дробовика. Двух моих студентов пришлось в больницу везти. Мне – куча неприятностей, остальным – масса работы по восстановлению сетки координат. Так что против дробовика лопата бессильна...

– Анатолий Георгиевич!

Истошный вопль заставил их вскочить на ноги. Кричал тот самый парень в пиратской косынке.

– Нашел! Смотрите, что я нашел! Золото!

– Ну вот, нагадал козе смерть! – с досадой произнес Анатолий.

А парень, выбравшись из раскопа, уже бежал к ним, сжимая что-то в ладони. Следом, придерживая шляпу за поля, спешила Людмила.

– Перекур! Пятнадцать минут! – пронеслось над раскопом.

Мигом вся толпа работавших окружила их плотным кольцом. Те, кому не удалось пробиться в первые ряды, подпрыгивали, вставляли на цыпочки, тянули шеи, отталкивали более удачливых. Гвалт стоял невероятный, пока Анатолий не

рявкнул:

– Тихо! Отойти всем на пять шагов! И не мешать!

Он осторожно взял бурый комок спекшейся глины, внимательно осмотрел, перевел взгляд на парня.

– Сева! С чего ты взял, что это золото?

Тот растерянно развел руками.

– Так это... Ковырнул... Блестит!

– Я вот тебе ковырну! – рассердился Анатолий. – Велено: все складывать в пакеты и отдавать в камералку. Там будут ковырять, очищать и мыть. Твое дело – найти! Понял? Найти, зафиксировать место находки и бережно эту находку упаковать!

– Простите! – парень покраснел. – Но это, кажется, перстень...

– Креститься надо, когда кажется, – проворчал Анатолий. – Еще раз такое повторится – и выгоню! Накроется твоя практика медным тазом!

Парень опустил голову, но не уходил, косил любопытным глазом. Анатолий осторожно нажал пальцами на комок, и тот развалился на две половинки, как скорлупа ореха. А внутри и впрямь был перстень. Почерневший, слегка оплавленный, но при виде его у Татьяны подкосились ноги. Перстень Германа Бауэра! С головой льва! Правда, вместо двух изумрудов – один. Вторая глазница была пустой...

Глава 4

Затаив дыхание, Татьяна отошла в сторону, присела под березой. Но никто не заметил, что она покинула раскоп, и никому не было дела до ее испуга. Всех волновал только найденный перстень. Она подняла забытую Анатолием фляжку, сделала несколько торопливых глотков и наконец перевела дух. У-уф! Выходит, то, что ей снилось, совсем не фантазия? Но как объяснить эти видения нормальному, трезвомыслящему человеку, который наверняка сочтет их бредом? И будет абсолютно прав. Кто в здравом уме поверит в странные перемещения во времени, пускай даже во сне? Но она-то знает – все виденное ею, по сути, пережитое и прочувствованное – правда! И подтверждение этому – перстень с указательного пальца Германа Бауэра!

Неужели во всем виноваты серьги и перстень Айдыны? Может, не стоило их надевать? Жила бы себе, поживала, спокойно, без потрясений, без терзающих душу сновидений. Но почему Анастасия Евгеньевна отдала украшения именно ей? Если тетушка знала об их тайной силе и проблемах, которые несет в себе эта сила, то не проще ли было оставить их в шкатулке как красивую антикварную вещицу? Но ведь не оставила же, почему?

Татьяна снова отхлебнула из фляжки. Несомненно, серьги и перстень – особый знак, ключ к разгадке всего проис-

ходящего с Татьяной, который послан ей свыше, через время и пространство. Но почему именно ей? Для чего? Чтобы перевернуть жизнь? Разрушить прежний уклад, перекроить судьбу по новым лекалам, выбрать тот единственный путь, который так и остался бы неведомым, закрытым, перегороженным шлагбаумом привычек, обязанностей, страхов и кучей условностей – всего того, что мешает человеку осознать свой талант и предназначение?

Татьяна вздохнула, прислонилась спиной к березе, закрыла глаза. Теплый ветерок ласково касался лица, над головой шелестела листва. Она почувствовала: что-то опустилось ей на плечо. Она приоткрыла глаза. Надо же, бабочка! Белая, капустница. Сложила крылья, замерла, лишь черные усики слегка подрагивают. Татьяна боялась перевести дыхание, чтобы не вспугнуть бабочку. И загадала желание: если улетит быстро, то унесет с собой все неприятности, если задержится на плече, то покоя Татьяне не видать, как своих ушей. И бабочка словно услышала ее. Мигом расправила крылья и унеслась, точно цветочный лепесток, гонимый порывами ветра.

Татьяна проводила ее взглядом. Если бы удалось столь же легко и мгновенно отправить в полет все беды и злосчастья, что навалились на нее в последнее время! Прошедший год она пережила, точно стихийное бедствие. События обрушивались, как шторм, закручивались, как смерч, накатывались, как цунами. После аварии она, по сути, осталась одна. И са-

ма справлялась с бедой. Горестно сознавать, что особо никто и не предлагал помощь. Все занимались своими делами, решали свои проблемы... И родители, и брат... Еще год назад у Татьяны были тетя Ася, друзья, коллеги, приятели, любовь, наконец. Но в тяжелейший момент она осталась без привычного круга общения, с обостренными чувствами, с обнаженными нервами, с осознанием непоправимости случившегося. Один на один со своей бедой. А близких подруг у нее, как оказалась, никогда и не было. Так, приятельницы, с которыми разве что кофе попить. Поэтому, наверно, у нее никогда не возникало желания поделиться с ними тревогами, болью, сомнениями, посоветоваться, рассказать о настигшей беде... Да, она справилась! Выкарабкалась! Преодолела страх и безверие! Без советов подружек, без соболезнующих взглядов, без осуждения и сочувствия.

Жизнь – все равно что дорога! То скоростная автотрасса, то разбитый проселок. То ухаб, то яма, то прямо вперед, а то вдруг развилка: иди туда, не знаю, куда. Это звучало, наверно, банально, но воспринималось ею как откровение свыше. В какой-то миг Татьяне удалось понять, что одиночество, по сути, благодать, которая не всегда осознается и дается не каждому. Это не испытание, а редкостный подарок, когда человек сам, без подсказок и советов, без поддержки и сочувственных вздохов, вдруг уясняет, что способен на многое. И решать свои проблемы он должен сам, без слез и упреков. Ведь никто не виноват в том, что с ним происходит! Как ни-

кто не волен предотвратить несчастье.

И Таис, старая, мудрая Таис не зря сказала, что после всех испытаний она станет сильнее, а жизнь заиграет новыми красками – более ярких и сочных цветов. Но когда это случится, пока неизвестно.

Татьяна вздохнула, вновь отпила из фляжки. Со стороны она наблюдала, как Анатолий вертит в руках перстень и что-то негромко объясняет столпившимся возле него землекопам. А тишина вокруг стояла такая, что слышно было, как гудит шмель над кустиком желтой льнянки.

Она смотрела на Анатолия и думала: как случилось, что этот человек внезапно вторгся в ее жизнь и полностью перевернул все ее прежние представления о реальности, о любви, о творчестве, наконец. Получается, он – единственный, кто не оставил ее в беде, не позволил спрятаться в кокон, отгородиться от всего мира и оттого этот мир возненавидеть. Чужой, почти незнакомый человек. Но за этот год он стал ей самым дорогим, самым близким. В письмах она рассказывала ему о том, чего не доверяла матери. О своих сомнениях, неуверенности, тревогах. И никогда – о страданиях. Но он понимал с полуслова. Уговаривал, убеждал, веселил. Бывало, ругал, но не жалел, не выжимал слезу...

Татьяна пыталась понять, зачем он писал ей – ежедневно, помногу? Ведь она привязалась к этим письмам, к этому общению. Не отходила от компьютера, без конца проверяла почту. И начинала тихо паниковать, когда письма вдруг день

или два не приходили. А он порой писал их под утро, судя по разнице во времени. Значит, они тоже были для него важными? Одной жалостью целый год непрерывного общения не объяснишь...

– Людмила! – неожиданно повысил голос Анатолий и отвел взгляд от перстня. – Где спирт?

– Сейчас! Сейчас! – племянница появилась мгновенно с пузырьком и ваткой в руках. И, плеснув на ходу из пузырька на ватку, подала ее Анатолию.

Он осторожно обтер перстень. Снова глянул.

– Ну что, Всеволод! Свою награду ты заслужил. Первая значительная находка на раскопе. Мужской серебряный перстень! Так что банка сгущенки за мной!

– Серебряный? – разочарованно протянул парень. – А я-то думал!..

– Дурак ты, Севка! – рассердилась Людмила. – Он же дороже всякого золота!

– Перстень серебряный, а камень, похоже, драгоценный! – Анатолий протер его ваткой. И тотчас тонкий солнечный луч отразился от камня, прочертив тонкую светлую полосу по щеке Анатолия.

– Ух ты! – восторженно закричала молодежь на разные голоса.

– Изумруд! Точно! – кивнул Анатолий. – Жаль, второй камешек выпал. Надо будет просеять тщательно почву, вдруг потеря найдется. Хотя вряд ли, изумруд не терпит высокой

температуры, быстро разрушается. – Он похлопал паренька по плечу. – Ну, герой, с почином тебя! И нас, конечно. Перстень явно принадлежал какому-то купцу. Дорогой, массивный... Пстой, пстой... – Он поднес перстень к глазам. – Надпись какая-то? Забита грязью... У кого лупа есть?

Кто-то протянула ему лупу, а Людмила – новую ватку со спиртом. Анатолий тщательно протер внутреннюю сторону дужки перстня, подставил лупу.

– Ну-ка, ну-ка! Что здесь написано? Ага! Gott mit uns! С нами Бог!

– Фу! – презрительно скривилась Людмила. – Фашистская надпись!

Анатолий усмехнулся:

– Ох, не права ты, Люсьен! Это слова из Библии. В свое время, только в русском варианте, являлись девизом Российской империи. А затем появились на пряжках солдатских ремней сначала в прусской армии, а позже – в германской. Так что в сухопутные части вермахта перешли по наследству.

– А я читал где-то, что этот девиз был выбит на пряжках у эсэсовцев, – подал голос Сева.

Анатолий усмехнулся:

– Ошибаешься! На пряжках у эсэсовцев был совсем другой девиз «Meine Ehre heißt treue!»⁵. Кстати, римские легионеры тоже шли на врага с боевым кличем «Nobiscum Deus» – «Бог с нами!».

---

⁵ Моя честь зовется – верность. (Нем.)

Он снова посмотрел на парня.

– Пойдем! Покажешь, где нашел! А всем в штыки! – он окинул грозным взглядом притихших копателей. – И в раскоп! Час до обеда остался.

Обняв Севу за плечи, Анатолий направился к его квадрату. Людмила поспешила следом. О Татьяне совсем забыли. Но она обрадовалась передышке. Есть время собраться с мыслями. Она почти со страхом поглядывала на раскоп. Какие еще сюрпризы он приготовил? И всячески пыталась успокоить тревогу, но получалось неважно. Над раскопом висела звенящая тишина. Виднелись только спины людей, молча орудовавших лопатами, совками и мастерками.

– Таня!

Голос Анатолия заставил ее вздрогнуть. Он подошел сбоку, незаметно.

– Ты что побледнела? На солнце перегрелась? Устала? – Он опустился рядом с ней на траву. Глаза его радостно блестели. – Видела, какую прелесть мой студентик откопал?

И вытряхнул перстень из прозрачного пакетика на ладонь. Снова яркий луч отразился от камня. Анатолий смотрел на находку взглядом футбольного фаната, обретшего потную майку своего кумира. Словом, светился от счастья.

– Глянь! Перстень явно принадлежал немцу. А вдруг самому Герману Бауэру? Не зря же мы его сегодня вспоминали? – И заглянул ей в глаза. – Нет, что-то с тобой не так. Сейчас прикажу отвезти тебя в лагерь. А мне нужно остать-

ся. С Федором поговорить. Помнишь, мы его на переправе подобрали?

Татьяна кивнула. Разве она могла забыть Федора? Но только и вправду почувствовала себя плохо. И все же нашла в себе силы спросить:

– Как он? Работает?

– Я его бригадиром поставил. Толковый мужик, ответственный!

Анатолий вскочил на ноги, подал ей руку. Заметил смущенно:

– Не обращай внимания, если я ругаюсь или кричу немного. Не поверишь, тут словарь сужается до десятка слов: «начали», «курить», «еще час ударной работы» и «убирайте мусор». Причем после команды «Убирайте мусор!» народ, наплевав на все святое, мигом пытается сбежать. Вот тут бригадир и нужен. Иначе все инструменты побросают как попало и смоются в лагерь или на речку...

И снова посмотрел на нее с беспокойством.

– Что случилось? Такое впечатление, что я говорю, а ты не слышишь! Может, вернешься к Таис? Отдохнешь, соберешься с духом.

– Нет-нет, – отказалась она. – Я лучше здесь останусь. Быстрее привыкну к жаре и лагерной жизни.

– У нас до пяти вечера обеденный перерыв, а потом до девяти – снова в поле. Если хочешь, побудь это время в камералке, посмотри первые находки, которые подняли из рас-

копа.

– А можно мне зарисовать перстень? – спросила Татьяна. – Очень интересная работа!

– Конечно, – обрадовался Анатолий. – Фотоснимок все равно не передаст деталей. А если сделаешь его в цвете, то тебе цены не будет!

– И получу за это банку сгущенки? – улыбнулась Татьяна.

– Нет, взамен получишь мою любовь и уважение, – Анатолий быстро отвел взгляд, но сердце ее забилось и того быстрее. – Смотри, у него ступенчатая огранка. Она так и называется – изумрудная. В древнейшие времена изумруды в основном добывали в Египте, в копиях Клеопатры. Возможно, и этот камешек египетский, привезен из крестовых походов.

Анатолий повертел перстень в руках, словно что-то прикидывая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.